

Право

УДК 343.265.22:343.13

Крайняя необходимость в системе поощрительных инструментов социального уголовно-правового контроля

Т.П. АФОНЧЕНКО

Невозможность эффективного функционирования социальной среды на основе полного саморегулирования и потребность во внешнем вмешательстве, исходящем со стороны публичных структур или одобренном указанными структурами, является очевидным постулатом, констатируемым в том числе нормами уголовного законодательства. Вызывает интерес оценка потенциала контролирующего воздействия на социум не только запретительных, но и регулятивных, стимулирующих правопослушное поведение, норм.

Ключевые слова: социальный уголовно-правовой контроль, обстоятельства, исключающие преступность деяния, крайняя необходимость, поощрение.

The impossibility of the effective functioning of the social environment on the basis of full self-regulation and the need for external intervention coming from public structures or approved by these structures is an obvious postulate, ascertained, among other things, by the norms of criminal law. It is of interest to assess the potential for a controlling impact on society, not only prohibitive, but also regulatory, stimulating law-abiding behavior, norms.

Keywords: social criminal law control, circumstances excluding the criminality of the act, extreme necessity, encouragement.

Введение. Согласно конституционным положениям, обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства [1]. В то же время декларируемый на уровне Конституции Республики Беларусь приоритет обеспечения прав и свобод личности не может гарантировать абсолютное отсутствие нарушения последних со стороны иных субъектов. Признавая ценность личности и ее интересов, принимая на себя обязательства по их обеспечению, государство, тем не менее, предоставляет индивиду возможность осуществлять защиту своих прав самостоятельно, не прибегая к публично-правовому инструментарию. Фактически, активное социально ответственное поведение в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния, в том числе крайней необходимости, выступает одним из способов социального контроля и формой разрешения возникшей конфликтной ситуации вне официальных процессуальных процедур с участием посредников в лице уполномоченных органов и государственных структур.

Основная часть. Часть 3 ст. 21 Конституции страны призывает каждого к социальной ответственности и внесению посильного вклада в развитие общества и государства. Конституционные основы активной гражданской позиции, направленной на защиту не только личных, но и общественных, государственных интересов находят свою реализацию в нормах различных отраслей права, и уголовно-правовые механизмы не являются исключением, немаловажная роль среди которых отводится институту обстоятельств, исключающих преступность деяния. Используя последний, законодатель транслирует положительную оценку тех ситуаций, когда вред причиняется для достижения общественно полезных целей, стимулируя тем самым проявление нетерпимости к различным формам социально опасных (девиантных) проявлений. Одним из традиционно находящих легитимацию на кодифицированном уровне обстоятельств, исключающих преступность деяния, является крайняя необходимость.

Следует отметить, что подчеркивая социальную значимость рассматриваемого института, достаточно подробно устанавливая пределы правомерности каждого из обстоятельств, исключающих преступность деяния, законодатель не формулирует их обобщенную дефиницию, а также раскрывает далеко не каждое понятие применительно к отдельным из них, что

представляется не совсем верным, поскольку не позволяет транслировать для заинтересованных субъектов смысловое значение их правовой природы, а значит, обеспечить верное их правоприменение. Представляется возможным в целях обеспечения единообразного и адекватного правоприменения обстоятельств, исключающих преступность деяния, закрепить в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) [2] их дефиницию, например, следующего содержания: «Обстоятельства, исключающие преступность деяния – это обстоятельства, при наличии которых не признается преступным деяние, формально подпадающее под признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом».

В идеях Б. Спинозы, Дж. Локка, Ш. де Монтескье, Ж.-Ж. Руссо [3], [4], [5], [6] государство обязано обеспечить реализацию таких имманентно принадлежащих человеку прав, как право на жизнь, достоинство, свободу и личную неприкосновенность, право на собственность, а в триаде «личность – общество – государство» приоритет принадлежит именно правам индивида. Одним из значимых векторов обеспечения указанного комплекса естественных прав личности является, на наш взгляд, гарантия их самозащиты. В рассуждениях Г. Гроция содержится утверждение, что «... преступления, неизбежность которых вызвана природными стихиями, не должны подлежать наказанию», тем самым условия крайней необходимости отнесены философом к естественному праву человека на жизнь, основанном на инстинкте самосохранения [7]. А.Ф. Кистяковский предполагал, что основанием ненаказуемости действий, осуществленных в условиях крайней необходимости, является то, что «... субъект, находясь под давлением настоящей, крайней, ничем другим, кроме правонарушения, неотвратимой опасности, теряет в этом случае свободу самоопределения, каковом состоянии несвободы совершает правонарушение» [8, с. 115].

Содержательная направленность крайней необходимости на социально полезные цели вытекает из этимологии термина. Исходя из смыслового значения в словаре В.И. Даля «крайний» определяется как «конечный, предельный, последний, за которым нет другого», а «необходимость», в свою очередь, – это надобность, потребность, то, без чего нельзя быть, нельзя обойтись [9]. Иными словами, в буквальном понимании крайняя необходимость означает предельную потребность, без которой в создавшихся условиях невозможно обойтись.

Идея о праве гражданина в рамках, предоставленных законодательством, собственными силами противодействовать угрожающей опасности, не является новой не только с точки зрения философского контекста, но и в русле ее закрепления на правовом уровне. По данным В.В. Орехова, положения о защите своих прав, в основе которых лежали обычаи кровной мести, обнаруживаются в ст. 6 Договора Олега с Византией 911 г., которая закрепляла «право ... оборы личности и имущества» [10, с. 33–34]. Тексты Русской правды (Краткой XI в., Пространной XII в. и Сокращенной XV в.), уголовно-правовые положения которой также определялись принципом талиона (лат. «lex talionis»), несколько трансформированным в плоскость монетизации причиненного ущерба, нормы о самозащите нарушенного права сопровождали также требованиями компенсации вреда, в том числе моральных переживаний. Так, ст. 13 Русской правды указывает: «Если кто возьмёт чужого коня, или оружие, или одежду, а хозяин опознает в своем миру, то взять ему свое, а 3 гривны за обиду» [11]. Правомерная защита от посягательств животных и порядок возмещения причиненного вреда детально изложены в тексте Соборного уложения 1649 г. Так, на основании ст. 281–283 указанного акта, «... будет кто на кого пустит собаку нарочным делом, и та его собака того, на кого ея пустит, изъест, или платье издерет, и в том на него будут челобитчики, и с суда сыщется про то допряма, и на нем велети исцу доправить бесчестье и увечье и убытки вдвое. А будет про то сыскати будет нечим, и им в том с суда дати вера, крестное целование. А будет кто собаку убьет ручным боем, бороняся от себя, и ему за ту собаку цены не платить, и в вину ему того не ставити. А будет у кого собака на люди мечется, или животное корова, или бык, или козел, или боран людей или животину бьет, а он такая собаки на привези держати и животные беречь не учнет, и его небрежением от той его собаки или от животного кому какое дурно, или убытки учинятся, и в том на него будут челобитчики, и сыщется про то допряма, и на нем те все убытки велеть доправя отдати» [12]. Обладающие беспрецедентными для своего периода уровнем систематизации и логичностью внутреннего структурирования, статуты Великого Княжества Литовского 1529 г., 1566 г., 1588 г. отражали идеи о возможности самозащиты от угрожающей опасности либо нападения, не выделяя данные нормы в самостоятельный институт. В частности, артикул 3 раздела первого позволял не признать пре-

ступным сдачу крепости нападающим в условиях угрозы голода. Артикул 13 раздела тринадцатого Статута 1529 г. указывает, что «... если бы кого укусил непривязанный пес, ... а если бы кто, обороняясь, неумышленно убил чьего-нибудь пса, тот не должен ничего платить за него, но если бы бросив чем-либо в пса, убил его, должен хозяину заплатить» [13]. Примечательно, что в более поздних редакциях текстов Статута 1566 г. и 1588 г. отражены также процессуальные аспекты доказывания факта наличной опасности: «...нападение он должен подтвердить своей присягой, присягой жены и взрослых детей сам с двумя соприсяжниками, и если были бы свидетели, то и при свидетелях он обязан лично принести присягу... должен предоставить веские доказательства, что убил его на своей земле, и это должен подтвердить своей единоличной присягой и присягой своих окрестных соседей» [14], [15]. Тем не менее, как можно заметить, критерии правомерности причинения вреда отсутствуют.

Российское Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (распространялось на часть территории современной Республики Беларусь в составе Российской империи) содержало достаточно широкий перечень обстоятельств, исключаящих преступность деяния: в ст. 455 закрепляла нормы об уменьшении пределов ответственности за убийство, «... учиненное по настоянию убитого», а также в ст. 106 запрет вменения в вину «... учинившему противозаконно деяние для избежания непосредственно грозящей его жизни в то самое время неотвратимой другими средствами опасности» [16]. Кроме того, допускалось принятие чрезвычайных мер неуполномоченным на то лицом, если впоследствии будет доказано, что эти меры были необходимы для государственной пользы и без вреда для службы нельзя отложить принятие этих мер до высшего на то разрешения (ст. 340). Аналогичные нормы дублировало Уголовное уложение 1903 г., однако представляло институт крайней необходимости более последовательно. Так, лицо освобождалось от уголовной ответственности вследствие того, что деяние было совершено «в обстановке устранения смертельной опасности для жизни лица, действующего в состоянии крайней необходимости, или иного лица, а также для защиты здоровья, свободы, целомудрия, иного личного или имущественного права его или третьих лиц». Угроза этим благам должна была быть неотвратима иными средствами, а причиняемый вред – менее ценным, чем охраняемое благо [17].

На позициях освобождения от наказания за вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, основывались также нормы первых советских уголовных законов послереволюционного периода. За время существования БССР в составе СССР на ее территории действовали несколько нормативных актов уголовно-правового характера: уголовные кодексы принимались в 1922, 1928 и 1960 гг., однако в течение всего указанного временного отрезка системное нормативное закрепление получили всего два обстоятельства: необходимая оборона и крайняя необходимость. Задержание преступника как обстоятельство, исключаящее преступность деяния, было отражено в первоначальной редакции УК 1922 г., однако впоследствии норма была исключена. В УК 1960 г. применительно к воинским преступлениям были внесены дополнения об освобождении от ответственности в случае исполнения приказа вышестоящего начальника, отданного по службе. Решение вопроса о ненаказуемости деяния основывалось на механическом сравнении вреда причиненного и вреда предотвращенного, то есть применялся только объективный критерий. Данный подход сохранился на протяжении всего развития советского уголовного законодательства.

24 мая 1922 г. в РСФСР был принят УК, нормы которого постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета с 1 июня 1922 г. распространены на территорию Белорусской ССР. С 1924 г. текст нормативного акта получил официальное наименование Уголовного кодекса БССР. Согласно ст. 20 рассматриваемого источника, «... не подлежит наказанию уголовно-наказуемое деяние, совершенное для спасения жизни, здоровья или иного личного или имущественного блага своего или другого лица от опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с охраненным благом» [18]. Кроме того, согласно ст. 25 УК РСФСР 1922 г. при назначении наказания учитывается «совершено ли преступление в состоянии голода, нужды или нет».

В разделе I «Общие положения» УК Белорусской ССР 1928 г. ст. 11 содержала буквально следующее предписание: «Меры социальной защиты не применяются, если суд признает, что деяния, при обычных условиях составляющие преступление, совершены для устранения опасности, которую при данных обстоятельствах нельзя было устранить иными средствами, и что вред

от этих деяний является менее важным, чем вред, который они предупредили» [19]. Обращает на себя внимание используемая терминология: в дискурсе философии новой социальной формации и социалистической законности УК Белорусской ССР 1928 г. не говорит о наказании, употребляя обороты «меры социальной защиты», «меры социальной защиты судебно-исправительного характера».

В УК БССР 1960 г. в его первоначальной редакции содержались два обстоятельства, включающие преступность деяния: необходимая оборона (ст. 13) и крайняя необходимость (ст. 14), которые самостоятельно обособлены не были и включались в главу 2 «О преступлении». Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, при этом именовался как обстоятельствами, исключающие противоправность, то есть законодатель признавал тем самым их правомерность. Согласно ст. 14 УК БССР 1960 г., «не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но совершенное в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей интересам Советского государства, общественным интересам, личности или правам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред» [20]. Перечень охраняемых интересов, которым может быть причинен вред в состоянии крайней необходимости, учитывает иерархию ст. 1 УК БССР и приоритет советского общественного и государственного строя перед интересами личности.

В 1987 г. инициативой ведущих ученых-правоведов Академии наук СССР была разработана и представлена общественности Теоретическая модель уголовного кодекса, предлагавшая наряду с известными законодательству необходимой обороной и крайней необходимостью такие обстоятельства, как согласие потерпевшего, осуществление лицом своего права, исполнение профессиональных функций и обязанностей (ст. 56). Положения Теоретической модели уголовного кодекса после обсуждения легли в качестве базиса Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1991 г. (далее – Основы), которые в связи с распадом СССР не вступили в силу, но были учтены в государствах постсоветского пространства при разработке национальных уголовных кодексов. Обстоятельствам, исключающим преступность деяния, был посвящен раздел III Основ, включающий положения о необходимой обороне, задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости и оправданном профессиональном и хозяйственном риске [21].

УК Республики Беларусь 1960 г. с учетом изменений и дополнений, внесенных в период с 1991 г., отражал норму Основ о крайней необходимости в практически неизменном виде в ст. 14, согласно которой не являлось преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного УК, но совершенное в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей интересам государства, общественным интересам, личности или правам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред. С вступлением в силу с 1 января 2001 г. действующего УК нашло свое легальное закрепление в отдельной гл. 6 принципиального нового подхода в виде развернутой системы обстоятельств, исключающих преступность деяния, выступающих в настоящее время в качестве обособленного самостоятельного института и включающих в перечень 6 наименований. Кроме того, законодателем учтена возможность ошибки в наличии таких обстоятельств, как необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание лица, совершившего преступление (ст. 37 УК).

К сожалению, далеко не всегда предпринимаемые усилия по предотвращению опасности оказываются эффективными и успешными, и приходится сталкиваться как с вредными последствиями непосредственно возникшей опасности, так и с вредом, который был причинен при попытке ее предотвращения. Фактически, ущерб в подобной ситуации значительно увеличивается, что актуализирует вопрос о возможной ответственности причинителя вреда. Применительно к данной ситуации ч. 2 ст. 36 УК закрепляет, что состояние крайней необходимости признается также в случае, если действия, совершенные с целью предотвращения опасности, не достигли своей цели и вред наступил, несмотря на усилия лица, добросовестно рассчитывавшего его предотвратить (так называемая «неудавшаяся крайняя необходи-

мость»). Отталкиваясь от обратного, если расчет лица на предотвращение вреда был недобросовестным, то имеет место неосторожное причинение вреда и ответственность наступает исходя из норм о неосторожном преступлении соответствующего вида.

При это отметим, что УК, оперируя категорией «добросовестность», не раскрывает ее значение для целей уголовно-правовой оценки действий лица как применительно к крайней необходимости, так и в иных случаях, что представляется упущением. Предлагаем раскрыть значение оборота «лицо, действующее добросовестно», в ст. 4 УК следующим образом: «лицо считается действующим добросовестно, если оно не предполагало и по обстоятельствам ситуации не могло предположить, что его оценка ситуации не соответствуют действительности».

В данном ключе представляет также интерес анализ ситуации, когда в состоянии крайней необходимости для предотвращения опасности лицо, не являющееся обязанным выполнять профессиональные функции, совершает иное, не связанное непосредственно с угрожающей опасностью, преступление, например, для устранения угрозы со стороны вышедшего из-под контроля животного причинитель вреда использует холодное либо огнестрельное оружие, владение которым осуществляется неправомерно. Исходя из положений действующего УК, сконструированная ситуация подлежит самостоятельной правовой оценке по таким нормам гл. 27 о преступлениях против общественной безопасности, как, например, ст. 295 УК «Незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ»; ст. 295¹ УК «Незаконные действия в отношении охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия»; ст. 296 УК «Незаконные действия в отношении холодного оружия»; ст. 297 УК «Незаконные действия в отношении газового, пневматического или метательного оружия».

Представляется, что актуализированная угроза привлечения к уголовной ответственности оказывает потенциально негативное влияние с точки зрения снижения активной гражданской позиции на предотвращение вреда общественным и государственным интересам собственными силами. В связи с указанным предлагаем рассмотреть вопрос о целесообразности расширения поощрительной нормы примечания к ст. 295 УК, дополнив ее и изложив в следующей редакции:

«Примечание.

1. Лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в статьях 295–297 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности за действия, предусмотренные названными статьями, кроме случаев сбыта.

2. Лицо, обоснованно использовавшее предметы, указанные в статьях 295–297 настоящего Кодекса, в ситуациях необходимой обороны, задержания лица, совершившего общественное опасное деяние, крайней необходимости, освобождается от уголовной ответственности за действия, предусмотренные названными статьями».

Следует обратить внимание, что Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) говорит о случаях правомерной крайней необходимости, если же причинитель вреда вышел за пределы правомерности, то речь идет о преступном деянии, и вопрос о возмещении ущерба решается по общим основаниям ответственности за причинение вреда (ст. 933 ГК): вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Очевидным является некоторое несоответствие круга лиц, названных в ГК и в УК, подвергавшихся опасности, вследствие которой был причинен вред. Если применительно к ситуации крайней необходимости в УК речь идет о предотвращении или устранении опасности, непосредственно угрожающей личности, правам и законным интересам данного лица или других лиц, интересам общества или государства, то нормы ГК сужают данный перечень до самого причинителя вреда и иных лиц, то есть в буквальном понимании не позволяют принимать во внимание опасность интересам общества и государства. Кроме того, в ГК ставится вопрос об устранении опасности (иными словами, ее ликвидации в полном объеме), тогда как УК допускает как устранение, так и предотвращение опасности.

Представляется, что приоритет правового регулирования на стороне УК, поскольку крайняя необходимость рассматривается как уголовно-правовой институт, ввиду чего целесообразно изложить п. 1 ст. 936 ГК в следующей редакции: «1. Вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения или предотвращения опасности, угро-

жающей самому причинителю или другим лицам, интересам общества либо государства, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред».

Заключение. Для усиления эффективного контролирующего воздействия уголовного закона с использованием поощрительного инструментария целесообразна реализация сформулированных в данной статье предложений.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респуб. реф. 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 фев. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой предст. 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Спиноза, Б. Сочинения : в 2-х т. / Б. Спиноза / Вступит. Ст. К. А. Сергеева. – Изд. 2-е. – Т. 1. – СПб. : Наука, 1999. – 489 с.
4. Локк, Дж. Сочинения : в 3-х т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – 668 с.
5. Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье. – М. : Мысль, 1999. – 674 с.
6. Руссо, Ж.-Ж. Pro et Contra. Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917). Антология / А. А. Златопольская [и др.]. – СПб. : Изд. РХГА, 2005. – 798 с.
7. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – М., 1956. – 868 с.
8. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства : Часть общая / А. Ф. Кистяковский. – 3-е изд., печатанное без перемен со 2-го. – Киев : Ф.А. Иогансон, 1891. – 887 с.
9. Толковый словарь живого великорусского языка / Сост. В. И. Даль. – М. : Гос. изд-во иностранных и нац-ых словарей, 1955. – 780 с.
10. Орехов, В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключаящие преступность деяния / В. В. Орехов. – СПб. : Изд. «Юридич. центр Пресс», 2003. – 217 с.
11. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской правды / М. Н. Тихомиров. – М., 1953. – 192 с.
12. Тихомиров, М. Н. Соборное уложение 1649 года : учеб. пособ. для высш. шк. / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 444 с.
13. Статут Великого Княжества Литовского 1529 г. / Под ред. К. И. Яблонскиса. – Минск, 1960. – 254 с.
14. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 г. [Электронный ресурс] // Официальный правовой Интернет портал Республики Беларусь. Помнікі гісторыі права Беларусі. – Режим доступа : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/>. – Дата доступа : 25.04.2022.
15. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. / Тэксты. Даведнік. Каментарыі. – Мінск : Выд. Бел. Сав. Энцыклапедыі імя П. Броўкі, 1989. – 576 с.
16. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1988. – Т. 6 : Законодательство первой половины XIX в. – 432 с.
17. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1994. – Т. 9 : Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – 352 с.
18. Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики : принят 24 мая 1922 г. ; введен в действие постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета с 1 июня 1922 г. // Собрание Узаконений. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
19. Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики : утвержден ЦИК БССР VIII созыва 23 сентября 1928 г. ; введен в действие с 15 ноября 1928 г. // Уголовное законодательство СССР и союзных Республик. – М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1957. – С. 126–162.
20. Об утверждении Уголовного кодекса Белорусской ССР [Электронный ресурс] : принят IV сессией Верховного Совета БССР 5-го созыва, 29 декабря 1960 г. // Официальный правовой Интернет портал Республики Беларусь. Помнікі гісторыі права Беларусі. – Режим доступа : https://pravo.by/ImgPravo/pdf/UK_BSSR_1960.pdf. – Дата доступа : 25.04.2022.
21. Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик [Электронный ресурс] : приняты Верховным Советом СССР, 2 июля 1991 г., № 2281-1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.